

Бактықожа

Измұхамбетов

ВРЕМЁН ТЕКТОНИЧЕСКИЙ СДВИГ

* * *

В колыбели вместо песни слушал кюй,
 Лился звон струны, как блеск прохладных струй,
 Мне ласкала слух старинная домбра,
 В душу с детства заронив зерно добра.
 Я не ведал скуки с музыкой в ладу,
 Знал: любую отведёт домбра беду,
 В мастерстве умелых материнских рук
 Постигал волшебных кюев вечный звук.
 Всемогущий кюй пленяет нам сердца,
 Дарит страждущим блаженство без конца,
 Пробуждает мысли с чувствами в тебе,
 Мчится в будущее с быстротой гонца.
 Так звучит призывом боевым «Адай»¹:
 «Слушай ритмы и потомкам передай
 Темперамент, пульс горячий Маңғыстау,
 Эта музыка прозрачна и чиста».
 Нургиса-аға² поэму «Махамбет»
 Написал, как предков доблестных завет,
 Свистом стрел и взмахом острого клинка
 Нам герои шлют привет издалека.
 И когда звучит бессмертный «Кішкентай»,
 Воскресают с Махамбетом Исатай³.
 Слишком юный для повстанческой грозы,
 Братьям кюй свой посвятил Курмангазы.
 Степь без края и конца – «Сары-Арка»⁴,
 Здесь мелодия стремительно-легка,
 Под знамёнами воинственный номад
 Скачет лихо и не ведает преград.

¹ «Адай» – кюй Курмангазы Сағырбайұлы.

² Нургиса Тлендиев (1925–1998) – композитор и дирижер, домбрист, педагог.

³ Махамбет и Исатай – предводители восстания казахов Младшего жуза (1836–1838 гг.)

⁴ «Сары-Арка» – кюй Курмангазы Сағырбайұлы.

Плач печальный слышен в кюе «Салтанат»⁵,
 То в душе скорбящей горе и разлад,
 Безграничная щемящая тоска,
 Боль и слёзы, словно с пулей у виска.
 До чего ж великолепен «Ақ жауын»!
 Ах, Секен⁶, земли казахской славный сын,
 Эти звуки, будто жемчуг дорогой,
 Он нанизывает трепетной рукой.
 Каждый кюй – в крови казаха навсегда,
 Кюй важней, чем воздух, пища и вода.
 И куда б ни занесло степной народ,
 Он домбровых кюев музыкой живёт.

* * *

Мы исходим желчью порой,
 Вспоминая пройденный путь.
 Всё осталось там, за горой,
 Вспять эпоху не повернуть.

Без особых жизненных благ
 Мы пасли послушных овец,
 И пропитан был алый флаг
 Красной кровью верных сердец.

Горемыкой в чуждом миру
 Наш язык звучал между строк,
 Бедняком на пышном пиру
 В щёлочку подглядывать мог.

Как мираж, растаял в песках
 Жёсткий и загадочный век,
 Грёзами о сладких кусках
 Современный жив человек.

Словно лебедь, щука и рак
 Разномастных мыслей клубок,
 Но всего страшней общий враг –
 Загустевшей злобы комок.

Пусть вины не помнит сосед,
 Солью не тревожь прежних ран.
 Светлым наш останется след
 Среди всех народов и стран.

⁵ «Салтанат» – кюй Толегена Момбекова.

⁶ Секен Турысбеков – современный композитор-кюйши.

* * *

Крут у судьбы моей нрав,
Много обрывов и скал.
Рано отца потеряв,
Трудности с детства узнал.
Сложный выигрывал бой,
Стоя на зыбком краю.
Братьев тянул за собой,
Верил в планиду свою.
К небу стремился и рос,
Многим подставил плечо,
Средь шумных ливней и гроз,
Мыслью одной увлечён.
Мерными были шаги,
Ровным и взвешенным нрав.
Позже признали враги,
В чем оказался я прав.
Не был покорно-ведом,
Гордость и честь сохранил,
Сердце, как собственный дом,
Только для близких открыл.
К лучшим влекомый всегда,
Роскошь общенья ценю.
Пусть быстротечны года,
Радуюсь каждому дню.
Опыт – бесценный багаж,
Жизнь – трудовая стезя.
Путь человеческий наш
Все мы проходим, скользя.
Цели достигнет лишь тот,
В ком устремлённость крепка
Двигаться вверх и вперёд
С гибкостью твёрдой клинка.

* * *

Если память былого слегка ворохнуть,
Тотчас мыслей откроется шлюз,
И потоком волнистый причудливый путь
Выливается в строчек союз.
Боль, внутри затаённая, душу скребёт,
Подвывая арланом⁷ в ночи.
Настрадавшийся мой терпеливый народ,
Говори, говори, не молчи.
Нам ведь было завещано землю беречь,
И ни пяди кому-то извне,

⁷ Арлан (каз.) – матёрый волк.

Но зарыли давно свой наточенный меч
Степняки в этой мирной стране.
И едва ли в каком-то далёком краю
Вы услышите схожий мотив:
Как отринул природную песню свою
Сын степей, все слова позабыв.
Как делился последним, и братом нарёк
Чужестранца, на торь⁸ усадив,
Как песком заносило древнейший исток,
Но медали цвели на груди.
Похвалами тщеславный гордился джигит,
Сверху спущенный выполнен план:
Овцы. Золото. Хлеб. Да и уголь добыт.
Нефть. Руда. Полигоны. Уран.
Да, каков поп, таков и приход, говорят.
Да, наивным – лукавый мулла.
Но иная для всех занималась заря,
и рассеялась вязкая мгла.
Осылая времён тектонический сдвиг,
Сбросив мох с позабытых корней,
Мы расчистили илом забитый родник,
Напоили усталых коней.
И судьба повернула на новый виток,
Хоть не всё у нас гладко порой.
Как сквозь камни прошедший упрямый росток –
Закалённый в невзгодах герой.
Пусть Всевышний поможет казахам и впредь,
Ибо ждут нас большие дела.
Дай нам Бог песню предков продолжить и спеть
Всем народом. Аминь! Иншалла!

* * *

То радостно было, то грустно,
Любовь осенила крылом,
Большое недетское чувство
В души закоулках цвело.
Старался казаться небрежным
Друзьям-забиякам назло,
Хоть взглядом томительно-нежным
Мальчишку не раз обожгло.
Стихов неумелых тетрадка
Потом превратилась в золу,
Объятье невинное кратко
На школьном прощальном балу.

⁸ Төр (каз.) – почетное место.

Судьба навсегда разбросает
 По вузам огромной страны
 Птенцов перелётную стаю,
 И нет в этом чьей-то вины.
 Но вдруг не дразняще-лукавый,
 А женский пронзительный взгляд
 Накрыл вулканической лавой
 У райских пленительных врат.
 Счастливого жизни мгновенье,
 С хорошим финалом кино:
 Небесное благословенье
 Двум любящим свыше дано.

* * *

Подобных тебе, милый друг, называют
 Солнечными людьми.
 Так жизнь открывается каждому в мае
 Распахнутыми дверьми.

И свет изливается яркий, лучистый
 На всякого, кто продрог.
 Смеются глаза твои добро, искристо,
 С тобою я не одинок.

О, если бы все на тебя походили
 Характером золотым –
 На шаре земном про войну позабыли б,
 И мир стал таким простым.

Мы гости всего лишь на празднике этом,
 И нам завершать свой круг.
 Хочу, чтоб счастливым на многие лета
 Остался мой лучший друг!

* * *

Пара слов есть, нам дарующих экстаз,
 «Алакай», «айналайын»⁹ в составе фраз
 Золотыми украшениями блещут,
 Я готов их повторять сто тысяч раз.

Далеко не каждый вкус их ощутит,
 «Алакай», «айналайын» – слова-магнит,
 Даже днём с огнём в других наречьях ты
 Не разыщешь им подобной красоты.

⁹ «Алакай» – возглас ликования, «айналайын» – ласковое обращение с глубокой ритуальной символикой в этимологии.

Пусть же чаще в нашей жизни зазвучат
«Алакай», «айналайын» друг другу в лад,
Ликованье, окружая мир людской,
В светлых душах приумножится стократ!

* * *

Мрачных дней всем известна примета:
Настроенье давно на нуле,
Словно песенка лета пропета,
Жёлтый листик на мокром стекле.
А назавтра – улыбка вернётся,
На душе вновь желанный рассвет,
И уже дирижирует солнце
Партитурой безоблачных лет.
Суждено – стало быть, не отвадишь
Ни удачу, ни злую беду.
Что ж, мгновений счастливейших ради
Я и хмурые дни пережду.

* * *

Человек-легенда – Фариза¹⁰...
Кто соприкоснулся – помнит свято
Строгие и чистые глаза,
Строчки – бриллианты в три карата.

Мелодичный слог и гордый взор,
Острый ум и слово – ветер свежий,
Что тулпаром рвётся на простор
Без границ, и правду-матку режет.

Вспоминаю, словно давний сон...
Фаризе представили джигита,
Был речист и независим он,
И любому в лик смотрел открыто.

«Кто ты, мальчик? Мы знакомы? Нет?»
Он ответил, не играя в прятки:
«Я – коллега Ваш, идущий вслед,
Наступая прошлому на пятки».

«Что ж, довольно!» – глянула в лицо
И махнула королевским жестом:
«Ты, шагая по стопам отцов,
Пяток их не трогай неуместно!»

¹⁰ Фариза Онгарсынова (1939–2014) – классик казахской поэзии.

Саблей рубанув на всём скаку,
В чувство привела юнца мгновенно,
Жерновами в мелкую муку
Размолола вызов дерзновенный.

Повзрослел с тех пор лихой джигит,
Встреча та была ему уроком.
Понапрасну словом не пылит,
Чтоб не оступиться ненароком.

Времени минувший перевал,
Эра ввысь шагнувших великанов....
«Махамбетом в юбке» называл
Фаризу Тахауи Ахтанов.

* * *

Взмывает вверх душа моя
На крыльях прочных.
Что в жизни было – всё не зря,
Я знаю точно.
Не гнул спины ни перед кем,
Секрет открывши
Судьбы несложных теорем,
И в люди вышел.
Я видел ясный тёплый свет
В конце тоннеля,
Чредой падений и побед
Свой путь измерил.
Не стал я тем, кто, зачерствав
Чванливым ликом,
Привносит фальшь в простой напев
Надрывным криком.
Любил родных своих, друзей –
Героев сцены,
Где нет ни пешек, ни ферзей –
Все равноценны.
Без вас – унылое житьё,
И всё иначе.
Вы – достояние моё,
Успех, удача.
Взмывает вверх душа моя
На крыльях прочных.
Что в жизни было –
Всё не зря,
Я знаю точно.

ВСПОМИНАЯ «ЕЛИМ-АЙ»¹¹...

*Печаль в воспоминаниях жива
И светлых мыслей прочная канва.
Не жизнь проходит, а проходим мы
Весь путь земной – с весны и до зимы...*

I

Когда-то степь казахская цвела,
И песнь домбры ликующей была,
Но время, словно подлая лиса,
Смешало вдруг с землёю небеса.

Когда-то мы врага сметали в пыль,
Чтоб мирно шелестел степной ковыль,
Но черным горем всё заволочло,
Ночным кошмаром обернулась быть.

И не осталось больше белых юрт,
Эпоха – смертоносный каракурт,
Он жалил всех и нищих не жалел,
Безрадостен был степняков удел.

Тяжёлые настали времена,
Тьмы тьмущей непролазная стена.
Изгнанником,
Скитальцем без корней
Влачился люд сквозь толщу мрачных дней.

Царь Голод убивает наповал.
А тот, кто выжил, прочь скорей бежал,
Как раненый измученный сайгак,
Которому любой двуногий – враг.

Нет больше стойбищ, давит тишина,
В загонах пусто, всюду смерть видна.
Оставшимся – колхозный «светлый путь»:
Скот конфискован, скорбь терзает грудь.

Печален вид заброшенной земли,
Бродячий табор движется в пыли.
Кто не расстрелян, тот в тюрьме гниёт,
Навзрыд рыдал истерзанный народ.

¹¹ «Елім-ай» – народная историческая песня, посвященная годам Великого бедствия (1723–1727) в период казахско-джунгарских войн. Символическая параллель трагическим событиям XX века, массовому исходу казахов с исконных земель.

В мученьях и мытарствах – двадцать лет,
И плюс четыре года горьких бед...
О том напишет Халифа Алтай¹².
Потомок, его строки прочитай!

Душила власть, терпеть не стало сил,
Мольбы не слышит, сколько б ни просил.
Алтай, Тарбагатай, прощай, прости,
Дай бог не сбиться с верного пути!

Так начинался с родины побег.
Счастливой жизни жаждал человек,
Но не было покоя и в гостях,
Где зыбкий мир мостился на костях.

И потянулся новый караван
Гуськом на полуостров Индостан,
Прошли чрез Гималайский перевал,
В Бхопале встретив братьев-мусульман.

В Кашмире продолжается поход,
В сезон дождей с небес всё льет и льёт,
Быть может, в Музаффарабаде мы
Прибежище найдем от всех невзгод?

С мостом из преисподней, будто нить
Над адским пламенем, дано сравнить
Тот перевал зловещий – Зоджи-Ла,
Где многих Смерть с собою забрала.

А кто «Сират»¹³ индийский одолел,
Тот беспрестанно мучился, болел,
И новая земля нам не дала
Ни доброты, ни тёплого угла.

Так осень в сорок первом злом году
Несла казахам горькую беду.
Последующим пунктом был Пенджаб,
Там вырвались из цепких смертных лап,

Тут вроде бы дожди пошли на спад...
Дир, Пешавар, Бхопал, Шатрал, Субат –
По разным сторонам нас разнесло,
И счастье наше ветром размело.

¹² Халифа Алтай (1917–2003) – писатель, переводчик, общественный и религиозный деятель.

¹³ Сират – мост в исламской эсхатологии, расположенный над огненной преисподней и тонкий, как волос.

А в сорок пятом – вновь людской поток.
Надежды незагубленный росток
Рвёт почву, пробивая, как штыком,
Идеей путевой вдаль влеком.

В Канпоре и Лахоре мы теперь
Стучимся в плотно запертую дверь.
Нас будто не считают за людей,
Здесь *беженец* страшней, чем дикий зверь.

Построили домишки, городок
«Казак-Абад» родился в краткий срок.
Язык учили, шили для продаж,
И в душах тлел надежды уголёк.

Нас изнуряла дикая жара,
В пустом кармане вечная дыра,
В Бопал вернулись, в Дели, и народ
В извечных поисках идёт-бредёт...

В сорок седьмом случился поворот:
С двух государств отныне сброшен гнёт.
Свободны Индия и Пакистан,
Они равны теперь среди прочих стран.

Но воля тишины не принесла,
Религиозным распрям несть числа.
Чем жертвой пасть в стороннем том бою,
Уйдём, свободу сохранив свою.

В конфликте чуждом пострадать пришлось,
Спасти невинных жертв не удалось,
Наш выбор небогат был и суров:
Опять – в дорогу, снова ищем кров.

Избавить от скитальческой сумы
В пятидесятом попросили мы,
Письмо одобрил сам Ирфан Мехмет¹⁴,
Властей турецких подождём ответ.

Три тысячи нас в Индию пришло,
Две в один год болезнью унесло,
И тысяча четыреста бедняг
Спустя семь лет не ждут от жизни благ.

¹⁴ Мехмет Ирфан – турецкий писатель и общественный деятель.

Как нищие с протянутой рукой,
Потоки беженцев текли рекой.
Десятками в оврагах полегли,
След прошлого барханы замели.

Удача наша крепким сном спала,
Но с мёртвой точки сдвинулись дела,
Пусть «беженцы» для Пакистана мы,
Но Турция *родными* назвала.

По морю из Карачи кораблём
Мы курсом дальним десять дней плывём
До Басры через Йемен и Кувейт.
Наземным после двинемся путём.

Промчался поезд, миновав Багдад.
Приветлив ли турецкий дальний брат?
Урфа, Халеп, Адана – позади,
Стамбул казахам оказался рад.

Теплом нас южный берег привечал,
Аллах един в начале всех начал.
Приём достойный с добротой в глазах,
Спокойно-дружелюбен был причал.

Рос городской район в пятьсот домов
С названьем «Казак кент» без чуждых слов,
И улицы «Алтай», «Барколь», «Ертыс»,
В Стамбуле зародившись, прижились.

Когда низверглись горьких бед дожди,
Народный полк возглавили вожди.
Батыров имена мы сохраним,
И почести им дружно воздадим.

Боке-батыр отважно воевал,
Пять тысяч человек с собой позвал,
В горах Тибета схвачены они,
Непройденным остался перевал.

Поверженный кумир опасен всё ж,
Геройской головы ты не снесёшь.
Её, срубив, умчали в Урумчи,
На кол надев, глумились палачи.

Заип, и Елисхан, и Айымбет
В истории оставили свой след,
Оспан-батыр на плахе был убит,
Никто из них народом не забыт.

Повсюду брёл измученный степняк.
В других краях он – пария, чужак.

В иной земле лежит казахский прах,
Навеки безутешен аруах¹⁵.

Чужое небо стало нам шатром,
Прибежище казахам – шаткий дом.
Не смея дальше носа заглянуть,
Плелись мы на авось и как-нибудь...

II

Вдруг стрелой летит с родной сторонки весть:
«Казахстан – свободен!» Вновь надежда есть.
Пусть история не повернётся вспять,
Но Отчизну вскоре сможем повидать!

Очень скоро курс на Родину был взят,
Позабылись все мученья, прежний ад.
И, целуя землю предков, сын степей
Устремляет только в будущее взгляд.

За границей братьев много до сих пор,
Им на Родину вернуться б из-за гор,
Перебросив ностальгии хрупкий мост,
Чтоб увидеть Казахстана бурный рост.

Среди тех, кто возвратился навсегда,
Мастер слова, аксакал Кабдеш-ага,
«Дарабоз»¹⁶ бессмертным памятником стал,
Кабанбай-батыр взошел на пьедестал.

Из Китая прибыл в люльке малышом
Гений кюя с музыкальнейшей душой,
По сей день он в царстве звуков властелин,
Да, Секен-кюйши на всю страну один!

Как волчата Кокбори¹⁷ в лучах луны –
Мустафы Озтюрка¹⁸ славные сыны,
Воссиял он, озаряя небосвод,
И теперь в народной памяти живёт.

В Поднебесной пара звёздочек взошла,
Две красавицы – Майра и Шугыла¹⁹,
Пенье дивное и танец огневой,
Аплодирует их дару шар земной.

¹⁵ Аруах – душа умершего, дух предка.

¹⁶ «Дарабоз» – роман Кабдеша Жумадилова, посвященный Кабанбай-батыру (1692–1770).

¹⁷ Кокбори (Көк бөрі) – небесный волк, один из главных прототюркских тотемов.

¹⁸ Мустафа Озтюрк (1954–1995) – основоположник турецкой и казахстанской школы тхэквондо.

¹⁹ Майра Мухамедкызы – выдающаяся оперная певица, Шугыла Сапаргаликызы – исполнительница народных танцев.

Наш духовный лидер – Халифа Алтай,
В его книгах весь Алтай, Тарбагатай,
По достоинству оценим мудреца –
И спасёмся от бесславного конца.

Домом стал казахам весь Баян-Улгий,
Здесь укрылись предки от былой пурги,
На земле монгольской бережно хранят
Звуки кюя, речь и кочевой уклад.

И, с оглядкой ожидая новостей
В роли брошенных непрошенных гостей,
За стеной китайской сохранил казах
Душу, музыку, язык, огонь в глазах.

В тридцать первом – тридцать третьем Казахстан
Погружен был в лихолетье страшных ран,
В тот момент казахи из трёхсот семей
Потянулись вереницею в Иран.

Много наших принесло в Афганистан,
Тыщи три семей, судьба их непроста,
Род Адай, Есентемир и Байбакты
Жизнь построили там с чистого листа.

В дальних странах обретал казах приют,
Но мечтал о том, что Родину вернут.
Голубое знамя взвилось, и тогда
Засияла путеводная звезда.

Обманув судьбу, уехав за кордон,
Вытесняя в подсознание отчий дом,
Отдаляясь день за днём, из года в год,
Соберётся ль воедино мой народ?

Наша летопись – туманный черновик,
На страницах пятна пролитой крови.
Гипнотический гигант-иллюзион:
«Мы – народ *советский*, я, и ты, и он».

Свято верили, что Родина – одна,
Мы единая могучая страна.
Отдавали центру всё, крича «ура»,
Вдаль несла успехов бурная волна.

Нам, казахским сыновьям, хотим иль нет,
Перед богом за страну держать ответ,
За утерянный язык и естество,
Что вытравливалось семь десятков лет.

Есть казахи с полным денег кошельком:
Родовитый клан с народом незнаком,
Патриотов много, но всё больше тех,
Кто находит за границей свой успех.

Здравы странники от дома вдалеке,
Прочь уплывшие по времени реке.
Их потомки подросли, налажен быт,
Казахстан оторван, но не позабыт.

Мы раскиданы по разным полюсам,
Но роднит нас общий дух, степной жусан.
Дай, Господь, побольше светлых тёплых дней
В судьбах наших дочерей и сыновей.

Широки, как степь, бесхитростно-просты,
Наши помыслы прозрачны и чисты,
Никому не причиняли мы вреда,
Выступали миротворцами всегда.

Пусть рассыпаны по свету, как пшено,
Но природное начало в нас одно,
И под силу лишь Аллаху всех вернуть,
Сохранив народа внутреннюю суть.

Наши родичи – в любом конце земли,
Словно путники, пропавшие вдали.
Будем ждать и веру в душах сбережём:
Приплывут в родную гавань корабли!

Перевод с казахского Рены Жумановой.

Бактыкожа Салахатдинович Измухамбетов родился в 1948 году в Денгизском районе Гурьевской области. Окончил Уфимский нефтяной институт, горный инженер, доктор технических наук. Проработал в нефтегазовой отрасли 36 лет, пройдя путь от бурильщика до министра. С 1983 по 1987 год работал в Йемене в группе советских специалистов.

Занимал различные должности на государственной службе: министра, акима двух областей, председателя Мажилиса Парламента Республики Казахстан. Награжден орденами «Курмет», «Барыс» II степени, «Первый Президент Республики Казахстан – Лидер нации Нурсултан Назарбаев», «Отан» (за особые заслуги в нефтегазовой отрасли в честь 120-летия казахстанской нефти). Член Союза писателей Республики Казахстан.

